

Дежурство деревенского лазарета на время мастер-классов

Ян Лю

Ян не рвался активно обучать молодое поколение боевым навыкам и разнообразным диверсиям, хоть ему и было что предложить. Вместо этого он выбрал другой ответственный участок работы - дежурство в деревенском лазарете, потому что диверсии устраивал Тео. Ян очень не хотел, чтобы в результате учений послушников монастыря страдали невинные люди, но исключить эту возможность никто не мог. Да и сами ученики могли покалечиться, этим только повод дай.

Так что Ян находился в лазарете с утра, когда начались еще первые занятия Шэн, эта тоже могла загонять учеников, что им понадобится помощь, хорошо хоть сама эту помощь могла оказать.

В лазарете были заготовлены травы, мази, материал для перевязок и компрессов и несколько ведер чистой воды, которая для Яна была главным помощником в работе. Но пока никого не было, и старший мастер сидел на скамейке у здания лазарета и пил горячий кофе, дожидаясь помощников и рассчитывая не увидеть пострадавших. День обещал быть жарким, но пока эта жара еще не разошлась, и на улице было приятно. Лучше, чем в довольно темном помещении.

Евгения Лантайн

На сложный мастер-класс, посвященный диверсиям, Евгения сунуть нос даже не пыталась - и так знала, что ничего у нее не получится, ее способности под это не заточены, не диверсант она, а целитель, и вообще, она хрупкая девушка, так что не надо даже трогать ее по этому поводу. Зато как целитель, Лантайн могла отработать, скажем так, на изнанке мастер-класса и помочь вылечить тех, кто в результате проведения диверсий пострадает. Для этой цели мастера аж отдельное дежурство в деревенском лазарете организовали, и Евгения честно засобиравалась помогать. Мол, могла же помочь сделать как лучше, так чего в своей комнате отсиживаться. Опять же, опыт будет прекрасный, бесценный - если, конечно, он весь не упрется в мытье полов, а то мало ли.

- Здравствуйте, сифу Лю, - поздоровалась Евгения, обнаружив старшего мастера на скамейке возле лазарета. Пока, видимо, никто не успел пострадать от действий ретивых учеников, пациентов не было, и это создавало какую-то неловкую, неприятную паузу. Помявшись, Лантайн переступила с ноги на ногу, а потом с рвением трудоголика предложила: - Сифу Лю, может, я уже сейчас могу чем-нибудь помочь, пока никого нет?

Ну мало ли. Что, мелкой работы какой-нибудь в лазарете не найдется, что ли.

Ян Лю

Подошла первая помощница и сразу попросила работу. Ян кивнул девушке в знак приветствия, но со своего места не встал, намереваясь все же допить кофе. Он помнил эту девушку в лицо, но её имя сразу не вспомнил. Хорошая память магов Воды в случае Яна была избирательна, а на его занятиях эта девушка вроде не

появлялась.

- Привет, прости, я не помню твое имя, - Лю даже вежливо улыбнулся. - Да, пока есть время, можешь вымыть полы и расстелить циновки. Я надеюсь, наплыва раненых не будет, но лучше быть готовыми.

Он был врачом, а не медиком, и на правила асептики и антисептики смотрел сквозь пальцы. И все же считал, что в месте, где будут раненые, пол лучше было держать чистым, желательно чужими усилиями.

- Ты что-нибудь уже умеешь в плане врачевания? - уточнил Ян.

Потому что если девушка еще и раны лечить могла, это было бы просто праздник. Она как минимум могла бы подстраховать, если поступит несколько пациентов сразу.

Евгения Лантайн

Ага, вот так и знала, что с какой-нибудь мелкой подготовительной работой в лазарете будет всё в порядке. Приятно почувствовать себя прозорливой, очень даже приятно.

- Меня зовут Евгения, - вежливо сказала Лантайн, ничуть не обижевшись - не может же мастер, в самом деле, всех учеников монастыря поименно помнить, особенно тех, которые к нему на занятия вообще не ходят, а если может, то это феноменальная память. - Врачевание я изучала, поэтому кое-что уже умею. Ну, жар могу снять или воспаление. Если очень постараюсь, то, может, и перелом срастить смогу - я представляю себе, как это делать, но пока повода исполнить ни разу не было, - честно сказала Евгения. Теорией девушка была набита под завязку и помимо сращивания переломов неплохо представляла себе и ещё несколько процессов посложнее снятия жара. Но, опять же, ни разу не делала. Не сломаешь же в монастыре кому-нибудь руку или ногу просто чтобы попрактиковаться как её сращивать.

Закончив рассказывать о своих пока достаточно скромных способностях, Евгения вошла внутрь лазарета, почти сразу отыскала ведро с водой, чуть больше времени потратила на поиски тряпки и принялась мыть пол, стараясь делать это быстро, но не небрежно, и часто выполаскивая тряпку, чтобы мыть было проще. Вымытым половицам Лантайн давала немного подсохнуть, а потом укладывала на них циновки - в общем, готовила лазарет к приёму пациентов довольно бойко, вот только пациентов пока не было. Хотя оно, пожалуй, и к лучшему - значит, диверсанты пока справляются без жертв, особо не попадают и никого покалечить не успели.

Ян Лю

Ученица что-то уже умела, а остальное решалось только наработкой собственного опыта. Врачевание нельзя знать только в теории, потому что тогда упускаешь главную его сложность - вагон собственной энергии, которую нужно вложить в пациента.

- С переломами осторожнее, на них уходит очень много сил, - предупредил Ян. - Если сегодня придется работать - следи за своей энергией, чтобы в конце не пришлось откачивать тебя.

Пока девушка мыла пол и расстилала циновки, Лю допил кофе, вымыл чашку и окинул помещение лазарета взглядом, чтобы понять, чем еще можно занять ученицу, пока никого нет. Но в лазарете было чисто, все необходимое для оказания помощи уже было готово, простыни и матрасы на циновки лучше было не раскладывать раньше времени, так что можно было сидеть и ждать.

- Если хочешь, чтобы я что-то пока рассказал о врачевании - спрашивай, - сказал Ян.
- Пока все равно больше нечего делать.

Ломэхонгва

Ломэхонгва чувствует себя очень неловко, когда идёт в лазарет сдаваться мастерам как пострадавшая по собственной же невнимательности, но сдаваться со всей очевидностью надо. Девочка очень странно ощущает свой нос, странно даже для ушибленного — он как будто вспухает и вздувается изнутри, и Ломэхонгва вообще-то подозревает, что он сломан. Ободранная рука рядом с этим выглядит ерундой, и маленькая индианка про неё практически забывает, беспокоясь практически только о своём лице.

Которое, художественно уляпанное кровью, теперь надо как-то предъявить мастерам и не сгореть при этом от стыда.

— Здравствуйте, — чуть гнусаво говорит Ломэхонгва, заглядывая в лазарет. Там всего два человека, и девушка — это, кажется, ученица, так что сдаваться немножко менее стыдно. Девочка смотрит на чисто вымытый пол и стесняется переть прямо по нему босыми и грязными ногами, да еще и украшать это сверху капельками крови, люди же старались, мыли. Оставаясь маячить страдающей тенью на пороге лазарета, Ломэхонгва указывает на свой разбитый нос и стыдливо, всё так же немного гнусаво говорит: — По-моему, я его сломала.

Очень стыдно. Никто не убился, а Ломэхонгва вот, убилась, да ещё и на ровном месте. Ужасно, ужасно стыдно.

Ян Лю

Мечтам Яна о спокойном дежурстве было не суждено сбыться. Довольно скоро появилась первая пациентка - девочка с разбитым носом.

- Привет, заходи, - сказал Лю. - Ты ударилась обо что-то? Голова не кружится, не тошнит?

Сломанный нос - это неприятно, но травмы на голове неприятны не только этим. Ян присмотрелся к ауре, не заметил следов ша-ци в верхних чакрах, но все же решил задать девочке вопрос о симптомах сотрясения. Он взял чистую салфетку, затем набрал в ведре горсть воды, заставил её заledenеть, и, обернув в салфетку, приложил к переносице юной пациентки.

- Евгения, принеси нам еще салфеток, пожалуйста, - обратился Лю к помощнице, затем задержал руку над носом девушки, направив охлаждающую синюю энергию, чтобы унять кровотечение и лучше рассмотреть травму. - Расскажи, что произошло, - попросил он девочку.

Нос был сломан, но Ян видел, что легко вправит переломанные хрящи, только для начала нужно было собрать больше синей энергии в области раны, чтобы унять боль. Когда этой энергии стало достаточно, он убрал в сторону салфетку со льдом.

- Я сейчас посмотрю, что за перелом, - предупредил он пациентку, затем осторожно ощупал хрящи и в следующий момент парой быстрых движений вправил их на место. - Теперь нос снова будет ровным, - объяснил он и снова приложил лед.

Евгения говорила, что в теории умела лечить переломы. Сейчас наступил отличный момент для её практики.

Евгения Лантайн

Когда у Евгении вдруг появилась возможность припасть к источнику знаний и подтянуть теорию, девушка, как с ней порой бывало, с неудовольствием ощутила в голове неприятный вакуум и такую пустоту, что она даже не звенела. Как правило, когда у Лантайн возникал какой-то вопрос по теории врачевания, она этот вопрос почти сразу же шла прояснять, не дожидаясь, пока он забудется. Сейчас же вопросов в заначке у девушки не было и ничего толкового не получилось наскоро придумать, поэтому Евгения только молча покачала головой.

Впрочем, через считанные минуты на пороге появилась первая пациентка, так что долго сидеть в неловкой тишине не пришлось.

Лицо девочке разукрасило так, что смотреть было больно - падать в обморок при виде крови Евгения не стала, только ужаснулся в первый миг, но тут же взяла себя в руки. Помогать же пришла, вот и надо помогать, а не руки заламывать.

Выполняя просьбу мастера Лю, Евгения метнулась за салфетками - нашла их почти мгновенно, взяла сразу несколько штук, отнесла мастеру и осталась рядом, ожидая дальнейших указаний. Пока указаний не было, Лантайн сосредоточилась на ауре девочки, внимательно следя за тем, как работает сифу Лю и мысленно мотая на ус. Сама Евгения бы пока не смогла так быстро сообразить, что и в какой ситуации делать, и это сейчас было одним из главных её человеческих минусов как врачевателя.

Ломэхонгва

Ещё секунды две Ломэхонгва нерешительно смотрит на пол перед собой — ну как же так, здесь ведь так чисто, а она сейчас как ломанётся грязными ногами, и как будто и не мыли — но команда мастера заходить внутрь звучит более чем однозначно. Девочка осторожно переступает порог, приближается к сифу Лю и на ходу молча мотает головой — нет, её не тошнит и у неё ничего не кружится, только нос, кажется, вспух совсем. С таким лицом в приличное общество больше не пустят. А монастырь, думает Ломэхонгва, это же всё-таки приличное общество. Там соответствовать надо.

— Это окно, — лаконично объясняет девочка. И, как паинька, складывает руки на коленях — здоровая пониже, ободранная прячется в здоровой — пока сифу Лю колдует над её лицом. — Я к нему, а оно открылось и стукнуло.

Подробности в изложении Ломэхонгвы теряются практически полностью. Но девочка надеется, что тех, которые остались, вполне хватит, чтобы понять, что произошло.

Пациентом девочка старается быть как можно более примерным. Не ёрзает, не

вертит головой, не задаёт вопросов, когда приятно немеет нос и совсем исчезает терзающая лицо тупая боль. Только когда сифу Лю вправляет ей нос, девочка, хоть ничего почти и не чувствует, слышит нечто вроде громкого и сочного щелчка. И, не удерживаясь, Ломэхонгва глубокомысленно комментирует: — Ауч. Хрустит.

Ян Лю

- Я поставил хрящ на место, - объяснил Лю девочке.

Он заметил, что она пыталась скрыть ссадину на руке, и эта ссадина не была чем-то серьезным или опасным, хоть её стоило промыть.

- Евгения, дальше работа для тебя, - Ян взял у помощницы салфетки, одной из которых немного стер кровь с лица девочки. - Направь на перелом оранжевую энергию, пока она полностью не залечит хрящи. Потом помоги нашей пациентке умыться.

Ян вымыл руки, затем налил в небольшую миску воду и вернулся к девочке.

- Я пока посмотрю, что у тебя с рукой, - сказал Лю. - Хорошо?

Он видел, что девочка ведет себя очень робко и как будто не хочет причинять дежурным лишние хлопоты. Но насколько бы Ян ни был ленив, ей он как раз очень хотел помочь. К тому же травмы были для него ерундовыми, а для неё неприятными.

Евгения Лантайн

К тому, что сифу Лю может частично доверить ей маленькую пациентку, Евгения была готова - сама же бравировала и заявляла, что перелом со скрипом, но потянет вылечить. А тут как раз такая относительная удача, перелом, но не такой, в который можно упахиваться и упахиваться, пока не упанешься совсем.

Хрящи срastить, это же должно быть проще, чем целую поломанную руку или ногу восстановить.

- Сделаю, - отважно кивнула Евгения. Несколько раз мысленно повторила нужный цвет, чтобы ненароком не спутать его в самый ответственный момент, отложила салфетки и подошла к девочке. Из-за все еще остававшейся на лице девочки крови травма все еще выглядела ужасающе, но это впечатление очень быстро исчезло, стоило Лантайн переключиться на ауру и начать рассматривать травму уже там.

Евгения направила на перелом оранжевую энергию - и ей почему-то казалось, что это должно будет вылечить девочку очень быстро, но на деле залечивание травмы отняло порядочно времени и порядочно же сил. Когда в ауре пациентки затянулись следы перелома, Лантайн с радостью выдохнула: - Готово, - и снова взялась за салфетки, смачивая их и осторожно протирая лицо девочки от крови, пока начисто не стерла все красные разводы. Последней салфеткой, сухой, Лантайн напоследок аккуратно промокнула лицо маленькой пациентки (хотя, наверное, можно было обойтись и без таких тонкостей), и принялась ждать следующих указаний от сифу Лю. Несмотря на то, что на залечивание перелома Евгения потратила неожиданно много сил, вымотанной в край она себя пока не чувствовала и на какую-нибудь еще полезную работу вполне сходилась бы.

Ломэхонгва

Ломэхонгва осторожно и согласно моргает, не уверенная, что ей сейчас можно болтать головой и кивать. Девочка старается сидеть тихо, как мышка, продолжая не шевелиться, когда сифу Лю передаёт её в руки своей очень красивой помощницы с золотыми волосами. Ломэхонгва только однажды открывает рот, чтобы объяснить про свою руку: — Это собака. Она не укусила даже.

Но, наверное, могла бы укусить, оплошай маленькая индианка тогда, в деревне. Об этом Ломэхонгва старается пока не думать. Ну не укусила же, так что сейчас это не самый главный повод для беспокойства.

Когда руки девушки осторожно прикасаются к лицу Ломэхонгвы, девочка замирает и первые несколько секунд даже не дышит, чтобы не спугнуть магию — но быстро понимает, что всё время сидеть и не дышать она не сможет. Целительница с золотыми волосами работает долго, но долго, это же не значит "плохо", думает Ломэхонгва. И даже это "долго" не мешает девочке восторженно замереть, когда она слышит, что всё готово.

— Совсем готово? — восторженно переспрашивает Ломэхонгва. И коротко вздрагивает руками — сперва ей хочется ухватиться за исцелённый нос и ощупать его, потом девочка умиряет себя, потому что а вдруг его пока нельзя руками трогать, в ближайший час или два, просто её пока предупредить об этом не успели? И отпустить, кстати, тоже её не отпустили, и Ломэхонгва продолжает сидеть смирно.

Ян Лю

Пока Евгения залечивала нос девочки, Ян заставил воду из миски окутать его ладонь, затем поднес руку к повреждениям на руке маленькой пациентки и заставил стихию впитать в себя ша-ци, забирая боль и воспаление. После этого последствия встречи с собакой затянулись, и на их месте остались едва заметные розоватые следы, которые за пару дней полностью пропадут.

- Да, совсем готово, - ответил Ян. - Можешь идти и будь аккуратнее с окнами и собаками.

Он видел по ауре девочки, что Евгения хорошо заживила перелом, а потом она же аккуратно вытерла с лица девочки следы крови. Пока он был доволен работой помощницы. Ян вылил воду из миски за порог, затем подошел к умывальнику и тщательно вымыл руки.

- Евгения, хорошая работа, - сказал он своей помощнице. - Вымой руки, чтобы на них не оставалось ша-ци.

Многим ученикам стоило напоминать об этом простом правиле, потому что сами они догадывались не всегда. Для Яна мытье рук было самым простым способом избавления от негативной энергии, но некоторые использовали другие стихии, особенно огонь.
